

Книги Анджея Ясинского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

НИК

НИК. ЮЗЕР

НИК. СТИХИЙНИК

НИК. АДМИН

НИК. БЕГЛЕЦ

НИК. ЧАРОДЕЙ

(в двух томах)

НИК. АСТРАЛЬЩИК

(в двух томах)

НИК. ЗЕМЛЯНИН

(в двух томах)

НИК. РАЗДВИГАЯ ГОРИЗОНТЫ

НИК. ПРЕОДОЛЕВАЯ БАРЬЕРЫ

НИК. ЛЕСТНИЦА МИРОВ

В соавторстве с Дмитрием Коркиным

ТОЛЛЕУС, ИСКУСНИК ИЗ КОРДОСА

ТОЛЛЕУС. ИЗГОЙ

ТОЛЛЕУС. УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДЖЕЙ ЯСИНСКИЙ,
ДМИТРИЙ КОРКИН

ТОЛЛЕУС.
УЧИТЕЛЬ — УЧЕНИК

Роман

Москва, 2020
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Я81

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1214

Художник
И. Воронин

Ясинский А., Коркин Д. А.

Я81 Толлеус. Учитель — ученик: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3091-8

Кордосский искусник Толлеус с учеником из-за непогоды застряли в глухой деревне. Казалось бы, в эти дни вынужденного безделья отдыхай да занимайся делами, которые давно ждут своего часа. Только не тут-то было — ни Палата защиты империи Кордос, ни «Недремлющее Око» не потеряли искусника из вида. Но и без этого врагов хватает — буквально все так и норовят если не убить, то как минимум использовать его в своих целях. При этом постепенно выясняется, что все вокруг совсем не так просто, как кажется на первый взгляд. Странности и загадки постепенно слетаются в тугой клубок, распутать который становится жизненно важно.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3091-8

© Анжей Ясинский, Коркин Д. А., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

От всей души хотим выразить признательность Наталье Никитиной и читателям Самиздата, которые помогали находить и исправлять ошибки в тексте, а также мотивировали на творчество.

Спасибо вам, друзья!

Андрей Ясинский, Дмитрий Коркин

Часть первая

ГЛУБИНКА

Глава 1

ТОЛЛЕУС. НЕПОГОДА

Оробос, деревня Лысовка под Боротоном

Искусник с тоской посмотрел сквозь маленькое мутное окошко на раскисшую землю: чародейский дождь заливал окрестности Боротона уже две недели, отчего дороги превратились в настоящие ловушки для телег и карет, — передвигаться можно было только пешком или верхом. По слухам, непогода ярилась в пределах дня пути от города во все стороны — дальше ласково светило солнце. Недавно Толлеус удостоверился в этом сам: действительно, тучи стоят над городом как привязанные. Правда, «день пути» с учетом приключившегося потопа превратился почти в два, но если подходить с обычной меркой, все сходится.

Купцы, державшие путь через этот крупный город на восточной границе Оробоса, проклиная небеса и свое невезение, пытались как-то выйти из неудачного положения. Кто-то поворачивал караван южнее, чтобы ехать в объезд, кто-то делал вынужденную остановку в надежде, что завтра потоки воды с неба иссякнут и земля подсохнет. Иные платили местным предприимчивым дельцам, нанимая быков, чтобы те протаскили фургоны там, где выдыхались лошади.

Ситуация сложилась, мягко говоря, нетипичная — климат тут отродясь не выкидывал подобных фортелей, поэтому слухи ходили разные. Правда, разница заключалась лишь в деталях. С учетом местной специфики все обыватели как

один дружно склонялись к мысли о чародейском проклятии. Сам искусник склонен был заподозрить божественное вмешательство. Все-таки природные силы — это больше по их части. И две недели ливня — слишком круто для проклятия. Как-то не хотелось признавать, что у чародеев есть такие возможности. Даже с учетом того, что Монг — то ли чародей, то ли колдун, с которым судьба свела старика во время давешнего вояжа за границу тучи, — тоже грешил на действия людей, причем делал это с полной уверенностью в своей правоте.

Как бы то ни было, Толлеус, угодивший со своим стадом мохнаток в непогоду за десяток-другой лиг от Боротона, вынужденно встал на постой в большой, дворов на сто, деревне Лысовке, дожидаясь, когда закроются хляби небесные. Ирония судьбы заключалась в том, что искусник, добираясь сюда, провел в пути не один месяц и проехал практически насквозь всю империю чародеев, завязнув у самой границы. Благодаря паре искусных лап, приделанных к телеге, Толлеус вполне мог добраться до города, но с животными все сложнее. Химеры не боялись грязи. Даже наоборот — им очень нравилось валяться в стоячих лужах, но на тяжелый переход по разбитой и раскисшей дороге им не хватало сил. Была и другая причина, чтобы сделать остановку и переждать: продукты в городе выросли в цене, фураж для животных — тоже, да и за ночевку на постоялом дворе нужно платить гораздо больше, чем за пределами городских стен, а с монетами у искусника дела обстояли неважно.

В Боротоне старик как раз надеялся поправить свое материальное благополучие, предлагая желающим Искусство для решения их проблем, но опыт путешествия через города и веси Оробоса подсказывал, что на поиски достойного приработка может уйти много времени. Пожалуй, с этим не было проблем лишь в Широтоне, но столица чародеев осталась далеко-далеко за спиной.

Еще одним источником дохода могла стать мана. Мохнатки вырабатывали ее в большом количестве, а спрос в Кордосе на этот ценнейший ресурс был стабильно высоким. До границы совсем недалеко, оставалось лишь наладить канал сбыта. Такая схема выглядела очень привлекательно, по-

скольку сулила прибыль и не требовала с утра до вечера трудиться самому. Вот только как все организовать так, чтобы не попасть в руки своих соотечественников, которые тут же арестуют беглого искусника, едва тот окажется в пределах досягаемости?

Формально, конечно, они правы: Толлеус — преступник, расхищавший государственное имущество в виде той самой маны, которую теперь готов продавать. В ту пору он работал настройщиком манонасосов в тюрьме для чародеев, которых с помощью специальных искусных плетений доили с утра до вечера на протяжении многих лет. Но тогда у него не было чудесных животных, и пополнить манозапас не было другой возможности, а без этого старик попросту не дожил бы до сегодняшнего дня. Воровал он исключительно в личных целях, поскольку сконструированный им целебный жилет потреблял до неприличия много энергии. Сейчас все изменилось: здоровье удалось поправить альтернативными методами, есть собственный возобновляемый источник маны, но факт хищения установлен, Палата защиты империи ищет беглеца и даже один раз схватила, отобрав посох. Вообще-то искусники не умеют плести искусную вязь без посохов — отвыкли, разучились. Толлеус не был исключением. Все же он не совсем обычный искусник и освоил работу через другой артефакт — амулет, встроенный в жилет. Сейчас, спустя несколько месяцев, он достаточно поднатерел в этом деле, чтобы не спотыкаться на простейших плетениях, и даже приблизился к тому уровню, который был у него раньше. При этом по-прежнему таскал с собой посох — обычную палку. Руки за сотню лет настолько привыкли держать древко, что пустоту отказывались переносить.

Сказать по правде, ищут Толлеуса не только из-за маны. В родном Маркине произошла цепь необъяснимых событий, поставивших на уши весь имперский сыск Кордоса. Одно слово — большая политика. Старик по этому делу проходит в лучшем случае свидетелем, а в худшем — козлом отпущения, но, как бы ни обернулось, ничего хорошего ему не светит, поскольку методы допроса далеко не самые гуманные.

Когда искусника арестовали в Широуне работники кордосского посольства, удалось спастись лишь чудом — помог

Никос, тот самый узник, который заварил всю кашу. С тех пор Толлеус не питал иллюзий на свой счет — второй раз так не повезет, лучше не искушать судьбу. И если все-таки пытаться наладить сбыт маны коллегам-искусникам, делать это нужно через третьи руки.

Даймон Мерива вполне подходил на эту роль. Более того, старик даже продал ему партию маны, а точнее, обменял на искусный обруч — очень полезный в хозяйстве артефакт. Вот только этот купец сам практиковал Искусство и стал интересоваться, откуда Толлеус берет ману, а раскрывать свои секреты старик не торопился. В общем, кордосец с облегчением вздохнул, когда караван даймона отправился штурмовать дорогу на Боротон. Добрался ли Мерива, старик не знал: в последний раз они с купцом виделись неделю назад, когда фургоны даймона потащились дальше через грязь, увязая по ступицу в раскисшей колее.

Привлечь первого встречного к торговле маной нельзя — требовался резервуар для ее хранения и транспортировки. У самого старика есть один манокристалл — последний остался, есть плита из адамаса, по своей емкости на порядок превосходящая кристалл. Но ни то, ни другое Толлеус никому не мог доверить. Еще есть мелкие накопители, но это все несерьезно — слишком мало. Так что тут требовалось хорошо, очень хорошо подумать, прежде чем предпринимать какие-то шаги. Пока что безопаснее и проще выглядит идея оказания услуг богатым жителям Боротона, как это уже не раз случалось в Оробосе, потому что Искусство и комфорт, которые так любят обеспеченные люди, идут рука об руку, чего нельзя сказать о чародействе.

Картина за окном не радовала — серо, сыро. Стянув с головы пресловутый обруч, Толлеус поскреб затылок и вздохнул. Этот артефакт, по заявлению даймона, защищал владельца от вселения — это когда чародей влезает в голову и копается там, как в собственной кладовке. Опыты с учеником подтвердили обещанные возможности обруча. Но это мальчишка, а спасет ли защита от сильного чародея или от бога — неизвестно. Здесь, в Оробосе, искусник всего несколько раз видел храмы, а на родине, где религия цвела пышным цветом, боги постоянно одолевали его, насылая

искушения, заманивая, беря душу. И всегда самого дорогого касаются, аж до слез. Оказаться же во власти чародея, влезшего в голову, — и вовсе один из ночных кошмаров. Правда, есть другая защита: раньше как-то своими плетениями обходился, но совсем не так удобно и более затратно. К тому же артефакт даймона по-другому работает, так что он не на замену, а в дополнение. Нет, не стоит жалеть о потраченных сбережениях.

Водрузив обруч обратно на макушку, искусник повернулся к Финне, которая пыталась затопить печь. Вдовая бездетная старушка сдавала Толлеусу одну комнату в своей избе, обеспечивала едой, а также разрешила пасти стадо на своих лугах — и все это за каких-то десять медных монет в день. Для стесненного в средствах кордосца это было настоящим подарком судьбы, вряд ли где-нибудь в другом месте удалось бы договориться за такую же цену. Впрочем, бабка сама назначила сумму и была вполне довольна. Из-за потери кормильца она оказалась в весьма бедственном положении: земля уже два года не обрабатывалась и заросла травой выше пояса. Финна распродала весь скот и имущество и теперь перебивалась с хлеба на воду. Только луга никто не спешил покупать. Предприимчивые соседи и так спокойно косили и пасли коров на дальних подступах, дожидаясь, когда старуха умрет, чтобы по-свойски захватить все.

Самое смешное, что эти угоды сейчас стоили больше, чем могла наскрести вся деревня. В свое время этот надел достался деду Финны совершенно бесплатно, когда император после победоносной войны стремился заселить пустующие пограничные земли молодой империи и позволял колонистам брать столько, сколько они готовы были обрабатывать.

За время, проведенное в деревне, Толлеус узнал все местные сплетни от болтливой старухи и даже сам успел поспорить с местными мужиками, когда приехал на луг размещать своих животных и обнаружил там деревенское стадо.

Земли бабки, в отличие от наделов других односельчан, не залило водой, а после того как старик организовал на месте модифицированный загон, о мохнатках можно было больше не беспокоиться. Есть и крыша от дождя, и защита от

хищников, и чужой не зайдет, а сами животные не разбредутся. Деревенским оставалось только завистливо вздыхать и бросать в спину искуснику неприязненные взгляды.

Оболиусу, упитанному рыжему оробосскому мальчишке, путешествующему с Толлеусом от самого Олитона, тоже досталась толика уважения. Особенно после того, как местные сорванцы попробовали расквасить ему нос, а в итоге, спутанные по рукам и ногам невидимыми нитями, со слезами просили прощения. Впрочем, юный оробосец был совсем не рад этому факту. Точнее, все плюсы перечеркивал один жирный минус — ребягня прознала, что парочка путешественников из далеких краев практикует «недостойное» Искусство, а не уважаемое в империи чародейство, и это клеймо сильно отравляло жизнь подростку.

Из-за затяжного дождя земля превратилась в подобие болота, а кое-где в полях и вовсе вода стояла по колено. Так что главной и практически единственной темой для разговоров были потерянный урожай, таявшие запасы и растущие цены на рынке. Да еще волки, которые обнаглели настолько, что вышли из лесов, с аппетитом поглядывая в сторону деревенского стада.

Вся деревня уверенно называла причиной напасти чародейское проклятие, поразившее город. В качестве доказательной базы приводился народный фольклор, где подобное встречалось регулярно. При этом никого не смущало, что объективных причин такому наказанию нет, хотя даже последнему пастуху было понятно, что проклясть целый город — это не порчу наслать.

Когда Толлеус указал на данное несоответствие Финне, та тут же сослалась на авторитетное мнение какой-то захудалой ведьмы, проживающей в деревне с ничего не говорящим искуснику названием. Хмыкнув, старик только рукой махнул и больше спорить не стал. Похоже, оробосцы привыкли все списывать на чародеев. Хорошо хоть никто не догадался свалить вину на соседей-искусников, которые среди местного населения воспринимались как зло во плоти. Честно говоря, Толлеус на полном серьезе опасался, как бы кому-нибудь не пришла в буйную голову мысль обвинить во всех бедах его, поэтому был начеку. По счастью, война между искусни-

ками и чародеями обошла Лысовку стороной, поэтому местные не имели личных претензий к кордосцам. Да, злые искусники являлись героями сказок, но все же государственная пропаганда вдали от крупных городов не так сильна. А может, просто повезло появиться в деревне уже после того, как стихия разгулялась и была озвучена устроившая всех версия.

Толлеус прошел всю войну, пускай и служил не на передовой, но с проклятиями, накрывающими целые территории, ему сталкиваться не доводилось. Пожалуй, даже к лучшему, ибо защиты от этого не было. Слышать слышал, конечно, даже специальные курсы были по выявлению угрозы. Сейчас как будто выпала неплохая возможность приложить знания к делу. Но, как ни пытался он почувствовать природные возмущения, характерные для проклятых мест, так ничего не обнаружил и отступился. Может, сноровку потерял, может, чародей слишком хорош и старику попросту не хватает чутья, а может, у людей слишком богатое воображение. И то верно: с чего чародеям в своей собственной стране такими проклятиями баловаться? Просто селянам надо скоротать неожиданно выдавшиеся дни безделья. Посудачить у печи о насущном — вот и весь их досуг.

Сейчас дождь немного стих, а лучшего момента для прогулки ждать бессмысленно. Несмотря на непогоду, начинающий химерщик ежедневно навещал свое стадо, проверяя, все ли в порядке, при необходимости переставляя загон на новое место. Оболиус мог бы справиться с этим делом один, но в таком важном деле старик не мог оставить его без пригляда. А ну как малец ошибется? Тогда можно проститься с бесценными животными — разбегутся кто куда, да и волков в округе полно...

Кликнув парнишку, который спокойно дрых на лавке у самой печки, искусник накинул плащ. Выйдя за порог, он создал над своей головой некое подобие щита — крышу, спасающую лишь от падающих капель. Собственное изобретение — отличная штука на случай ненастья. Благодаря работкам собрать такое плетение оказалось совсем не сложно. И расход маны невелик — можно даже делать амулеты и продавать богатым людям. Удивительно, что прежде никто не

догадался сделать что-нибудь подобное! Сам старик долгие годы жизни на родине мок, как все, под дождем и даже не задумывался, как бы справиться с этой напастью. Он, конечно, и раньше развлекался созданием новых плетений для собственных нужд — весьма редкое в Кордосе хобби, и многое сделал, но настоящий прорыв случился лишь тогда, когда вся его размеренная жизнь исчезла под развалинами городской тюрьмы.

На ноги искусник в прямом смысле слова натянул другое свое плетение с непривычным для уха названием «транспласт». По сути — не видимая простым глазом тончайшая ткань, которая не пропускает воду (и при желании много чего еще), способная запомнить приданную ей форму и поддерживать ее. Одна беда — ноги в таких обмотках сильно потеги.

В дверях показался зевающий Оболиус, экипированный точно так же. Подросток самостоятельно еще не умел создавать плетения такой сложности, но активировать заготовку из амулета и запитать ее маной было ему вполне по силам.

Путь предстоял неблизкий: сперва по дороге через огороды — на холм, потом вниз и в сторону через поля. Если идти пешком, то прогулка в один конец заняла бы часа два. Толлеус подумывал сделать деревянного Паука, чтобы передвигаться с комфортом. Однако на примитивном големе не получится ездить по бездорожью, а создать что-то серьезное не так просто. И с материалами проблема.

Големы — визитная карточка чародеев, хотя они никогда не практиковали езду на них. Для боя — пожалуйста, но других прикладных функций оробосцы в свои детища, почитай, не закладывали. Старик много размышлял над этим и пришел к выводу, что чародеи воспринимают свои творения именно как Творения с большой буквы. Шедевром любят, гордятся, но не подпирают дверь в сарае.

Толлеус разрушил все стереотипы. Создал искусного голема, чего до него не делал никто, и приставил его к делу, вызвав этим фактом у оробосцев настоящий шок. Напоследок старик блестяще выступил на Турнире големов, больно щелкнув по носу спесивых чародеев.

Увы, сейчас у искусника не было ни одного голема, хотя в Широтоне он успел создать их несколько штук. Все, кроме одного, достались кордосцам, но и последнего пришлось продать, так что теперь приходилось отправляться в путь на обычной телеге. Впрочем, лошадь неплохо справлялась с телегой, груженной лишь Толлеусом и его учеником, тем более что на особо топких участках старик помогал искусными лапами — эдаким фрагментом голема, встроенным в повозку.

Не прошло и получаса, как лошадь замерла на гребне холма: старик специально велел помощнику придержать вожжи, чтобы спокойно обозреть окрестности. Дело в том, что дождь закончился. Такое случалось и раньше: вода на какое-то время переставала литься с неба, чтобы потом обрушиться на землю с новой силой под вспышки молний и раскаты грома. Такая вот странная погода, обычно грозы так себя не ведут. Толлеус устал ломать голову, отчего и почему так получалось, и теперь просто воспринимал как данность. Есть — и все тут. Сейчас неожиданно выдалась замечательная возможность осмотреться вокруг — впервые за две недели в разрыв между серых туч выглянуло солнце, озарив пейзаж.

Действительно, вид открывался изумительный: внизу, от самого подножия холма, вдаль и в стороны убегали зелено-желтые волны пшеницы, за ними блестела пронзительно-синяя гладь озера, на берегу на невысокой горке возвышался аккуратный трехэтажный домик, каменными стенами и остроконечной крышей похожий на маленький замок. А еще дальше, на самом горизонте, угадывались розово-белые горы. Там, за ними, осталась такая близкая и такая недосягаемая родина. Многие годы в родном Маркине, сидя вечерами на балконе собственного дома с чашкой травяного настоя, Толлеус смотрел на эти горы. Только с другой стороны, и было это гораздо западнее. Тем не менее зрелище было такое родное, что пробудило ностальгию: в глазах старика блеснула слезинка. Он, наверное, еще долго сидел бы неподвижно, любуясь местными красотами и вспоминая прошлую жизнь, но тучи вновь заволокли небо, и возобновившийся дождь резко сузил перспективу, поставив перед глазами серую завесу. Да еще налетевший порыв ветра чуть не опроки-

нул старика — искусная крыша при всех своих достоинствах имела приличную парусность.

Големщик поджал губы и скомандовал двигаться дальше. Если путь на холм был прямой, то дорога вниз этим похвастать не могла. Деревенские, сворачивая к своим полянкам, наездили ее весьма причудливо. В хитросплетении многочисленных ответвлений и поворотов даже можно было заблудиться и легко заехать в тупик. А двигаться напрямую через поля нельзя, чтобы не вытаптывать пашню и не злить хозяев. Местные мужики были уж очень дикие: вроде при встрече кланяются — понимают, кто перед ними, но при этом все равно смотрят хмуро, точно звери лесные.

Впрочем, старика это не волновало — он уже давно проложил путеводную нить и мог найти дорогу в любую непогоду в кромешной темноте.

— Учитель, — позвал Оболиус. — Я вот что подумал: а ведь Паука можно будет научить самостоятельно идти вдоль нити. Вроде того, как вы в Широтоне в уборной у господина Марио сделали.

Толлеус улыбнулся, вспомнив, как на заказ пытался наладить искусную канализацию в городе, совершенно для этого не приспособленном. В итоге хозяева остались довольны, пускай все работало совсем не так, как в Кордосе, — содержимое ночной вазы не затягивало в трубу, а оно в буквальном смысле отправлялось в самостоятельное путешествие до сточной канавы.

Своего самого серьезного голема, с которым выступал на Турнире, старик называл Пауком. Пускай лап было всего шесть, а не восемь, но в остальном сходство действительно разительное. С тех пор в разговоре с учеником всякого голема по привычке называли Пауком. Впрочем, наверное, лишь до тех пор, пока новые модели будут делаться по образу и подобию.

Вообще искусники не умеют создавать големов вовсе не по причине невероятной технической сложности. Как раз тут все наоборот. Проблема возникает с управлением. И старик в свое время с этим намучился. Необходимость заставила. Случилось так, что Толлеус, оказавшись в трудной ситуации, из разбитой повозки и жердей собрал нечто, работаю-

щее исключительно на искусных принципах, но при этом вполне подходящее под классификацию голема. С тех пор его жизнь сделала крутой поворот, утянув за пределы Кордоса, о чем старик даже не помышлял. Однако грех жаловаться: несмотря на многочисленные проблемы, обрел он гораздо больше.

Тот Паук, что остался в Широтоне, был действительно хорош. Кое-какие плетения, что входили в конструкцию, Толлеусу не повторить, и самообучающийся управляющий амулет нигде не достать. Но даже просто собрать более простую версию никак не доходили руки. Точнее, не позволяли финансы и время. И, сказать по правде, до того как путешественники застряли в Лысовке, острой необходимости в големе не было. Но это лишь по мнению старика. Оболиус как истинный оробосец был ярым поклонником големов и при каждом удобном случае намекал, что хорошо бы все-таки сделать одного — в хозяйстве пригодится.

В последний раз искусник, уставший от шпилек своего помощника, который регулярно находил применение несозданному голему во всех трудных ситуациях, отыскал выход — поручил парню сделать нового Паука самостоятельно. Не то чтобы это была непосильная задача — однажды Оболиус уже выполнил подобную работу. Но загвоздка оказалась донельзя банальной — даже простого дерева для строительства не было, а тратить невеликие сбережения на услуги плотника, а тем более кузнеца, Толлеус не собирался.

Теперь парень, похоже, принялся за старое, придумывая для голема задачи, которые могли бы соблазнить самого искусника. И ведь прав, паршивец! К тому же вполне реально собрать такого голема, который будет послушно идти по заранее проложенному маршруту в виде путеводной нити.

Дорога медленно, но уверенно уплывала под повозку, потряхивая ее своим неровным телом.

Вот уже закончились поля с пшеницей, началось луговое разнотравье — в хорошую погоду рай для всевозможных насекомых. Сейчас же все букашки попрятались. Нигде никто не жужжит, не щебечет, не стрекочет — всюду властвует тихий шорох дождя. И практически никакого движения, даже

мордатые коровы со смешно загнутыми вниз рогами, что встречались время от времени, замерли истуканами.

Дальше пришлось идти пешком, чавкая ногами по раскисшей земле. Тут-то игодились плащи — без них путники сейчас же промокли бы насквозь.

Пастухов нигде не было видно, они где-то схоронились от дождя. В том, что они рядом, сомневаться не приходилось: иначе волки, донимавшие деревню, не прятались бы в роще, что начиналась как раз за лугами, не смотрели бы из-за деревьев злыми глазами, а с веселым рыканьем гоняли бы жалобно мычащее стадо. И все же такое нередко случалось: нет-нет да удавалось серым хищникам задрать теленка и устроить пир. Не спасали даже сторожевые собаки.

Старик шел впереди, раздвигая посохом жесткие стебли, поднимающиеся выше пояса. Внезапно буквально в четырех шагах перед ним с земли поднялось мохнатое тело. Толлеус сперва решил, что потревожил одну из пастушьих собак, но по размеру и прижатым к голове ушам быстро сообразил, что наткнулся на волка, рискнувшего пробраться на луг. Кроме спины и ненавидящих желтых глаз, ничего не было видно, но легко можно было представить разинутую пасть, вооруженную огромными зубами, и вываленный красный язык. Зверь, рискнувший в одиночку так далеко забраться на охраняемую территорию, пребывал в явной нерешительности: броситься ли наутек, напасть или затаиться. Очевидно, он был уверен, что двуногие его не обнаружили, хотя на самом деле это ему трава загораживала обзор, но не им. Искусник замер: прогнать зверя или даже убить проблемы не составляло. Однако рядом был Оболиус, и в воспитательных целях неплохо было бы эту ситуацию как-то использовать. Первым делом старик накрыл себя и подростка, который послушно остановился рядом, защитным пузырем. Обезопасившись таким образом, он тихонько шепнул ученику:

— Там волк.

— Вижу, — отозвался Рыжик, догадавшись переключиться на истинное зрение: в силу невысокого роста увидеть зверя глазами он не мог.

— Смотри, что я делаю, — велел искусник и быстро сформировал несложное плетение.

Прежде чем что-либо произошло, творение Толлеуса птицей взмыло ввысь и затерялось среди туч. Недоумение не успело проступить на лице мальчишки, как вдруг молния, расколов небо, ударила точно в людей, оглушив их. При соприкосновении с защитным пузырем грозовой разряд распался на сотни маленьких светящихся змей, которые пробежали по невидимой поверхности сферы и исчезли в земле, опалив траву по кругу.

Первым среагировал волк, который, жалобно скуля, сейчас же кинулся наутек. Потом, шумно выдохнув, очнулся Оболиус:

— Это вы?

— Я! — самодовольно улыбнулся бывший настройщик, но тут же скривился — в лицо ему шибанул отвратительный запах озона. — А теперь давай-ка ты: прижги серому хвост!

— Я? — искренне удивился юный искусник. — Я не умею!

— Тут все очень просто, вот образец. — Перед глазами помощника вновь появилось давешнее плетение. — Поторопись, пока волк до леса не добежал.

Действительно, трава колыхалась уже далеко. Еще минута, и зверь достигнет опушки леса и юркнет в спасительные кусты. Туда не сунутся даже огромные пастушьи собаки, которые сейчас с лаем торили свои дорожки в траве по следу серого разбойника.

Оболиус, мигом оценив, какие перспективы для него откроются, если он овладеет плетением молнии, с энтузиазмом принялся за дело, от усердия закусив костяшку указательного пальца и краснея от натуги. Нужно сказать, в отведенное время, пока взъерошенный хищник неся к чернеющей вдали полоске леса, ученик искусника уложился и торопливо наполнил плетение маной — старик даже не успел ничего сказать. Грохнуло, и снова светящиеся змейки на миг оплели невидимую защиту.

— Бестолочь, — взвизгнул старый искусник, когда к нему вернулся дар речи. — Что творишь?! Чуть нас не зажарил! — При этих словах он в сердцах приласкал подростка посохом по мягкому месту, а после схватился за настройки своего жилета, чтобы унять сердцебиение.

Чуть отдышавшись, снова взялся за посох, но Оболиус был настороже и ловко увернулся от удара.

— А что я! — огрызнулся Рыжик. — Сработало же как надо. Я все правильно сделал, вот же ваш образец! — Парень ткнул пальцем в воздух, где до сих пор висело плетение Толлеуса.

— Это нам повезло, что моя защита еще не развеялась. Я ведь ее только для своего разряда ставил, чтобы показать, как работает. А ты... — Старик замолчал, разглядывая свое творение, потом снова принялся бранить парня, но уже гораздо тише: — Так ведь думать надо! Думать! Я ж сказал — в волка. А ты что, слепой, привязку не видишь? Мы же уже проходили метки. На зверя надо было плетение наводить, а не бездумно копировать!

— Больно я разбираюсь, что тут да как, — насупился Оболиус. — Сказали сделать так — я сделал.

— Ты что это! — Толлеус даже закашлялся. — Как это «не разбираюсь»?

— Ну, по частям-то понимаю, что для чего, — стушевался ученик и виновато потупился. — Просто все равно... Плохое плетение, сложное. Можно проще!

Толлеус смерил Рыжика тяжелым взглядом:

— Ах неужели! По-твоему, искусники — все дураки, да?

От резкой отповеди Оболиус на мгновение опешил и побледнел, но тут же взял себя в руки:

— Вы свое плетение в небо зачем-то отсылаете, а ни к чему это. Потом плетение достаточно большое получается, из-за этого разворачивается долго. В результате оно всего-то как бы нить делает, которая молнией оборачивается. Я же вижу. Так отчего бы прямо от себя в цель такую нить не протянуть? Будет и быстрее, и экономнее, и проще...

— Ну ясно. — Старик почему-то печально улыбнулся. — Не считай других глупее себя — это ошибка. Вот ты решил, что так, как ты сказал, лучше. Вроде бы ты подумал, это хорошо. Но при этом ты уверен, что, кроме тебя, никто больше такого не сообразил. Это плохо... Помолчи! — Искусник взмахом руки остановил своего ученика, который уже было открыл рот, чтобы вступить в спор. — Откуда, по-твоему, у молнии сила появляется?

— Из плетения!

— Сейчас, именно сейчас думать надо, когда спрашивают, но теперь ты думать не хочешь и говоришь, как деревенский свинопас! Из какого, скажи на милость, плетения? Из того, в которое чуть-чуть маны капнул? Нет, дорогой мой, той маны не хватит даже котелок вскипятить. Ты заметил, что плетение большое и срабатывает не сразу, но зачем и почему — не сообразил. А ведь все не просто так. Это нужно, чтобы силу со всей тучи собрать. А чтобы из чистой маны грозовой разряд такой мощи сделать, ее полный кристалл потребуется... — Старик погладил свой манокристалл. — Но и тогда напрямую нельзя. Дело все в том, что молния — это не стрела. Стрела летит, куда прикажешь, а молния, оказавшись в нити, захватывает ее всю и вылетает сразу с обоих концов. Так-то!

— Почему бы тогда не формировать плетение прямо там, куда целишься? Нить можно сделать коротенькой. Тогда молния ударит в цель дважды!

— Уже лучше, — похвалил Толлеус. — Сделать правильную нить в самом деле можно где угодно. Вот только она лишь путь молнии показывает, а сам разряд — там, в небе, — старик ткнул посохом вверх, — потому он и называется «грозовой». Внизу собрать столько силы, чтобы он появился, не получится, — нет ее тут.

Оболиус поднял голову, полюбовался на серые тучи, что все так же клубились над спутниками.

— Он там живет?

— Кто?

— Разряд!

Толлеус медленно покачал головой:

— Вряд ли. Это только стихия. Мы можем немного управлять ею, не очень понимая как. Может, в академии кто-нибудь и знает все ответы, но мне такое не преподавали. Чародеи умеют управляться с погодой лучше нас, но вряд ли понимают больше. — Старик вздохнул. — Я знаю лишь то, что уже рассказал. Еще, пожалуй, могу добавить, что плетение одинаковое, а сила у молнии все равно разная получается. И расходуется она, эта сила.

— И что?

— «И что», — передразнил старик, и в голосе его прорезались сварливые нотки. — Если с одного облака разряд вызывать, то в первый раз сильно ударит, во второй — уже слабо, а потом и вовсе ерунда получится.

— Учитель, почему так?

— Как?

Оболиус зажмурился, пытаясь сформулировать мысль и найти нужные слова. Наконец выпалил:

— Запутанно! Все плетения, которые я видел раньше, были четкие. Посмотришь — и результат понимаешь. А тут может сработать, а может не сработать. И если да, то как сильно — неизвестно.

— А тебе, стало быть, порядка хочется?

Рыжик молча кивнул.

— Так знай: бывает молния «с порядком». Это та, которая на мане. Вот там все рассчитать можно, только маны нужно столько, что дешевле на стрелы золотые наконечники делать. И хитрости всякие знать надо, а то самому же от той молнии достанется. Рановато тебе такое плетение изучать. И так чуть не сгорели. В академии ты бы сначала выучился, и только потом тебе, может быть, разрешили бы с фрагментами плетений баловаться. А тут ни мастерской, ни пригляда за тобой... Ты это, не экспериментируй сам, а то и себя погубишь, и меня заодно...

Глава 2 КОРНЕЛИЯ. ТЯГОТЫ ПУТИ

Оробос

Молодая девушка с подозрением покосилась на свое отражение. Потом повернулась к нему спиной и попыталась заглянуть себе через плечо. Нахмурилась — увиденное в мутноватом гостиничном зеркале изображение ей чем-то не понравилось. Тряхнув пшеничного цвета гривой, увенчанной золотым обручем, она вышла из номера и спустилась по узкой деревянной лестнице на первый этаж, где в общем обеденном зале сейчас же заметила своего спутника — тощего мужчину, излучающего печаль и усталость. Без политесов

усевшись к нему за сервированный на двоих столик, она с ненавистью оглядела предлагаемые яства.

Перехватив ее взгляд, мужчина истолковал его по-своему:

— Зря ты так, рыба очень недурна.

— Я толстая! — выплюнула девушка сквозь зубы и подалше отодвинула от себя столовые приборы.

Мужчина, не меняя выражения лица и продолжая меланхолично орудовать вилкой, оценивающе покосился на стройный девичий стан и подтвердил:

— Ты совершенно права, дорогая!

Красавица фыркнула:

— Тристис, ну сколько можно издеваться? Это невыносимо! И я на самом деле поправилась — я же вижу!

Тристис Имаген, в прошлом весьма перспективный, а ныне опальный сыщик с громкой, но совершенно пустой должностью уполномоченного императора по особым расследованиям, склонил в легком поклоне голову, пряча улыбку.

Так сложилось, что оба, являясь гражданами Кордоса, по службе были отправлены в страну чародеев, причем каждый имел свои задачи. Они впервые встретились у самой границы около двух месяцев назад и с тех пор день за днем проводили в карете, колесившей по дорогам Широтона от города к городу.

Это была официальная маленькая делегация, так что не требовалось ни скрываться от оробосских властей, ни играть чужие роли. Можно было просто ехать и ехать к своей цели и почти ни о чем не думать. И это безумно скучно. Причем Тристис вполне примирился со своей участью, сутки напролет покачиваясь в такт неровностям дороги и без тени эмоций выглядывая в окошко. Пожалуй, только аура печали становилась вокруг него все гуще и гуще.

Корнелия же в силу более горячего нрава или меньшего опыта переносила это испытание тяжелее. И что плохого в том, что она решила чуть-чуть скрасить путь, влюбив в себя этого хмурого мужчину, который годился ей в отцы? Причем ключевым словом было именно «влюбить», а не «соблазнить». Небольшая эмоциональная встряска пошла бы ему

только на пользу! Потому что дураку понятно: в его душе до сих пор болит какая-то старая рана, а исцеление здесь только одно — идти не оглядываясь дальше.

Увы, все сложилось совсем иначе. Имаген с удовольствием поддерживал беседу, отвернувшись от окна, отвечал на вопросы, улыбался. Поначалу. А в конце как-то так вышло, что он стал ехидно называть Корнелию то любимой, но ненаглядной, то еще как-нибудь в этом роде, однако смотрел при этом совсем не влюбленными глазами, нет! Его глаза смеялись, он подтрунивал над незадачливой девушкой. И это при том, что она была очень красива, явно нравилась ему и прекрасно умела пользоваться женскими чарами. Вот только почему-то не срабатывало: писать ей стихи Имаген до сих пор не начал.

Сперва это задевало, и Корнелия пробовала все новые и новые способы, но сейчас хотелось уже просто прекратить это издевательство. Удивительное дело — в отношении него не было ни злости, ни антипатии за этот явный щелчок по носу, не хотелось доказать, что она все-таки может и умеет. Нет, он молодец, у такого не грех поучиться и изучить этот типаж мужчины. Вот бы только все правильно заметить, проанализировать и понять. Увы, не получалось, а сам Имаген подсказывать и прекращать игру не спешил.

— Ну как же, моя дорогая, — тоном послушного супруга продолжил Тристис. — Столько времени сидим сиднем в карете практически без движения, при этом кушаем как на убой. Тут немудрено обзавестись некоторой приятной округлостью, отличающей человека respectableного от простолюдина.

Корнелия пробежала хмурым взглядом по тощей фигуре собеседника:

— Отчего же тогда вы respectableнее не становитесь?

— Заботы государственные не дают расслабиться, — виновато пожал он плечами. — Вот кушаю сейчас этот замечательный наваристый бульон — все не впрок. — Имаген притворно вздохнул и улыбнулся, что несколько не вязалось с его внешностью: — Ну же, не дуйся! Если скакать на лошади верхом, а не трястись в карете, все пройдет! Думаю, наши

гвардейцы устроят потасовку за право поменяться с тобой местами!

Корнелия так сверкнула голубыми глазами, что ухмылка сыщика разом поблекла. Что-что, а строить гримаски она умела в совершенстве. Однако Тристис никак не желал успокаиваться. С совершенно серьезным лицом заговорщицким голосом он сообщил:

— Но есть еще одно средство для юных девушек. Достаточно проскакать час-другой на мужчине, и это заменит сутки на лошади, к тому же не зазорно даже для благородной девицы...

— Правда? — Корнелия с лучезарной улыбкой перегнулась через стол как будто за поцелуем, и ее движение было вполне естественно и гармонично, когда она локтем зацепила бокал с вином, перевернувшийся аккурат сыщику на брюки.

Тот выругался сквозь зубы, а девушка, покачивая бедрами, стала подниматься по лестнице.

Взмах веера, который на самом деле являлся замаскированным искусным жезлом, — и вот уже она опять в своей комнате стоит перед мутным зеркалом и придиричиво рассматривает себя.

Для нее это полевая практика — первая и, возможно, единственная вылазка на территорию другого государства. Потому что впереди ее ждет большая карьера, а там не будет места для путешествий. Ей не придется самой добывать информацию, этим станут заниматься другие агенты и доставлять ей.

Задание на практике — найти в среде оробосских аристократов информатора. Средства любые: вербовка, угрозы, шантаж, зомбирование... Ценность полученной информации может быть не слишком высока, однако «Недремлющее Око» не должно сразу же обнаружить этот контакт — вот главное условие. В этом случае второй экзамен будет зачтен. Первый — выведать у соотечественника информацию, представляющую государственную тайну, — она уже сдала.

Пожалуй, затягивать не стоит, впереди не так много крупных городов, и далеко не все мужчины послушно теряют голову, стоит ей только этого захотеть.

Глава 3

ТРИСТИС. В ИЗОЛЯЦИИ

Самым тяжелым для сыщика оказалась вовсе не скучно-утомительная дорога и не общество опасной своими связями и характером ставленницы Рагароса — второго человека в Палате защиты империи. Больше всего Имагена угнетало отсутствие информации. Что делается в империи? Это не досужий интерес: малейшие детали важны, а он здесь, в изоляции.

Его задание — встретиться с неким Толлеусом, который, прожив сотню с лишним лет тише воды ниже травы, вдруг выскочил откуда ни возьмись на сцену большой политики и успел засветиться не в одном крупном деле. И ведь что самое удивительное — до сих пор не задавили, хотя топтались на той арене тяжеловесы крупнее некуда.

Это Тристис придумал, что выгоднее взять старика в оборот, нежели просто пустить в утиль. И вот теперь самому приходится ехать за тридевять земель, в то время как там, в Тертоне, решается, возможно, судьба самого сыщика.

Когда-то он был хорош: энергичен, умен, воспитан, к тому же обладал навыками искусника. Он сумел подняться очень высоко, но потом стал кое-кому мешать, и карьера, казалось, на этом закончилась. Десятки лет расследовать бытовуху в мелком городке — врагу не пожелаешь такой судьбы. Но вот фортуна вспомнила о нем и подарила еще один шанс — оппозиция в правящих кругах заметила Имагена, вспомнив прежние заслуги и оценив полезность.

Аккурат сейчас там, в столице, ребром встал вопрос: останется ли у власти правящая клика или уступит место новой группировке, с которой сыщик связал свою судьбу?

В случае провала лично ему ничего не грозит. Он далеко и вне основных раскладов. Ниже, чем был совсем недавно, уже не упадет. Но если все пойдет как надо, хорошо бы оказаться рядом, чтобы новые высокие посты не заняли другие, менее достойные личности.

В общем, одно расстройство.

И Толлеус хорош — едет параллельно границе в зоне действия искусных трансляторов, словно красуясь перед своими

соотечественниками. И вдобавок целое стадо гонит, будто пастух. Так и этого ему показалось мало: нет-нет да затевает в городах и весях что-то громкое, чтобы привлечь к своей персоне еще больше внимания. То взрыв на руинах устроил, то чудовище изловил.

Логического объяснения такому поведению нет. Понятно, что старик не прячется и демонстративно не боится. Но зачем это ему? Может, он приманка оробосцев? Слишком топорно, так они не делают. В «Недремлющем Оке» работают профессионалы.

Более того, беглый големщик, похоже, устраивает шум искусным образом, а ведь у него не должно быть ни посоха, ни амулетов. Никос снабдил? По всем канонам, конечно, такого не может быть. В смысле — второго посоха, а не горсти амулетов, но что-то сыщику подсказывало, что в случае с Никосом этот вариант исключать нельзя. И если да — это плохо, потому что Тристис как раз везет изъятый посох бывшего тюремного настройщика манонасосов в качестве главного мотива к сотрудничеству.

В общем, масса времени, чтобы разработать стратегию разговора, но при этом острейший дефицит достоверных данных — одни домыслы, оперировать которыми попросту глупо. И что тогда? А ничего... Когда перед глазами туман и серая муть, хочешь не хочешь — идти приходится на ощупь. Без вариантов.

Тристису это не нравилось, совсем не нравилось. Мало того что подобный подход ставил под сомнение успех всего предприятия, вдобавок сам сыщик в таком положении находится не привык и чувствовал себя не в своей тарелке.

Глава 4 ТОЛЛЕУС. СОСЕДИ

Деревня Лысовка под Боротоном

В загоне химер все было спокойно — никакие хищники не могли проникнуть через невидимую стену. Деревенским о таком приходилось только мечтать. Местный староста еще в первый день приходил любопытствовать насчет волшеб-

ной защиты для коров, но договориться с искусником не вышло. Хорошую сумму селяне предложить не могли, а при этом требовалось оградить значительную территорию для их стада.

В принципе загон мог стоять долго, подпитываясь прямо от заключенных внутри мохнаток. Частые вояжи старика на поле были связаны с тем, что приходилось переводить стадо с места на место: нельзя долго пасти на одной лужайке скот, хоть обычный, хоть чародейский.

Выполнив работу, Толлеус подзарядил свой жилет, и парочка отправилась в обратный путь. На вершине холма искусник снова задержался. Но нет, не видать ни гор, ни домика-крепости, ни озера. Только край полей, под струями дождя кажущихся серыми, и в другую сторону — убогие деревенские домики. Даже отсюда они выглядели неважно — какие-то косые, дряхлые и неухоженные. Такое часто бывает в старых поселениях: как срубит хозяин избу, так потом в ней живет его старший сын, потом внук и так далее, пока не пройдет лет двести. Пока дом не развалится, никто его перестраивать не будет. Подлатают и дальше живут.

Телега со скрипом потащилась под гору, выворачивая к крайней избе. Оболиус занялся лошадью, а старик прошел в дом, стаскивая плащ и башмаки. Финна уже сварила похлебку: из горшка поднимался пар, наполняя помещение запахом разваренной свеклы. Теперь же она засемила навстречу важному гостю, принялась хлопотать над его вещами, развешивая их сушиться у печки. Толлеус устало плюхнулся на низкий табурет и вытянул ноги к огню. Появился помощник и тут же повторил маневр своего учителя с той лишь разницей, что повесил плащ сам.

— Господин! — обратилась хозяйка дома к искуснику, раскладывая большой деревянной ложкой похлебку в широкие плоски. — Солнце сегодня сквозь тучки-то на чуть-чуть... А все одно хорошо. Да?

Старик медленно кивнул, не поворачивая головы, занятый своими мыслями.

— Так это неспроста! Большой чародей с самой столицы! Это он! — поспешила старушка поделиться последними сплетнями. — По приказу самого императора! Чтобы, зна-

чит, проклятушая туча отсюда куда подальше — фьють! — И хозяйка изобразила сухонькой рукой завиток, означающий, как чародей разделался с ненастьем. — А то ведь иначе без урожая все земли, а значит, и казна без налога! Во как!

Искусник промолчал, но тут к новостям проявил интерес Оболиус:

— А что, бабка Финна, чародея того на пять минут только хватило? Дождь как шел, так и идет себе!

Старушка поджала морщинистые губы, смерив рыжего выскочку недовольным взглядом. Видно было, что, оказавшись здесь простой мальчишка, она бы сейчас же научила его уму-разуму хорошим тумакom. Однако она все никак не могла определиться со статусом парня, поэтому до рукоприкладства дело не дошло. После некоторых раздумий Финна сказала:

— Отчего же только на пять минут? Еще как не на пять! Это ж цельный Повелитель Чар, а не кто-то там. Карета золоченая, жеребцы в дорогих пополах, челядь в камзолах, точно господа. Ей-ей, ручкой раз — и проклятие тю-тю! А что дождь, так теперь ненадолго! Остаточки! То от старости весть, не пустозвонство какое, — поспешила она сослаться на чужой авторитет.

Оболиус посмотрел на учителя, который не то дремал, не то просто задумался, и, не найдя поддержки, пожал плечами.

— А что за замок красивый на берегу стоит? — перевел он разговор.

— Какой такой замок? — нахмурилась Финна.

— Ну, с красной крышей. Небольшой такой, на холме!

— Да какой там замок, — махнула рукой старушка. — Дом это чародейский.

— Тут живет чародей? — наострил уши очнувшийся Толлеус.

— Раньше. Да только уже второй год, как нет его.

— И кто там теперь живет?

— Да никто! Дом-то непростой! Сперва-то, понятное дело, слухи. Так двое пацанов чуть постарше этого, — бабка ткнула скрюченным пальцем в сторону Рыжика, — только глупее, потому что без спросу туда — шась. И всё, ни слуху ни духу.

— Умерли? Отчего?

— Темное дело. Они ж безвозвратные: ни тел, ни следов. Может, вообще не туда, может, на озеро, а водица холодная. Али в лес за ягодами, а там волки злющие — люди-то догадливые задним умом. Но, со слов приятелей, как будто к чародею в гости. Староста наш враз — общий сбор. Только прежде чем всей деревней на поиски, надо к господину Гласусу — хозяину замка этого. Надо, да где он? У нас тут одна женщина, Проська, третий дом от правого края... Так она раньше у чародея в доме по хозяйству. А потом вдруг все — сама туда больше ни ногой. Нет господина, а лошадь его тут, у Проськи в хлеву. И как он там без продуктов-то? Никак! Похоже, беда! Слухи тут как тут. Только как есть на самом деле, никому не ведомо.

От длинной тирады Финна покраснелась и умолкла. Но, видя, что слушатели терпеливо ждут, перевела дух и продолжила:

— Ну так вот, весь честной народ — к Проське, чтобы, значит, она, как раньше, туда за новостями про ребятишек да назад. А она ни в какую. Вроде как страх у нее. А что там страшное — ни единого словечка. Дрожит вся и бледнеет, а что, почему — ни гу-гу. И мысль у всех такая, что вроде как ничего эдакого в доме том нету вовсе. А Проська — просто глупая баба. Мужики к старосте: как дальше-то? И тишина — мыслей нет. Один так, другой эдак — всё не то. Час впустую. Наконец у кого-то складные слова: как будто хозяин сперва в отъезде по важным делам, а теперь вот домой, а там ребятня. Он их цап за воровство — и под замок. Ну, батьки ихние — к господину Гласусу. На обмен за бестолковых отпрысков своих — службу какую али харчи. Пацанье же, по малолетству какой с них спрос? А коли нет там никого, то тогда уже можно с ватагой мужиков в лес да на озеро с бреднем. Так вот, двое их, отцов-то. Первый — Спас, мужик здоровый, а второй мелкий да хромый, у него это вместо имени давно — Хромый. А при рождении... Как же?... Эх, чтоб его! — Финна досадливо плюнула в угол, сморщилась и тут же стала стирать плевок, рассказывая дальше: — Так вот, с его слов, Спас — торопыга, первый за ворота шаст! По мне, так неспроста Хромый сзади. Трусоватый он, это точно.

Поди, специально топ-топ нога за ногу, чтобы без него как-нибудь. Задумка такая хитрая у него. Ну и Спас не дурак, а с пониманием и добрый вдобавок. Вот он один в ворота тук-тук — и внутрь. И вдруг крик изнутри страшный такой — и все, нет человека.

— Чем же дело кончилось?

— Тьфу ты! — возмутилась Финна. — Я ж тут битый час как сорока «тыр-тыр-тыр», чтобы с чувством, с пониманием, а он «дальше» да «дальше»! Эх нетерпеливый какой! — И тут же, мелко задрожав, поспешно принялась извиняться: — Ох, господин, это я, старая, не со зла, а по глупости! Голова-то того, уже плохая совсем...

Толлеус махнул рукой, останавливая поток самобичевания, и старуха, опасливо сжавшись, продолжила рассказ:

— А и все. Хромый за ворота ни-ни. Назад да вприпрыжку. А потом как? Можно по-всякому. Этот так: «Ведьму надо!» Где она, известно, только где же монеты? Сразу-то, конечно, столько ни у кого нету. Он урожай — на базар, еще из утвари кое-что туда же. И через месяц готово! И она сразу тут как тут. В черном вся, зато волосы белые-белые, хоть и молодая. А любопытно же всем, целая толпа за ней. Только зазря все. Тряпица у нее от рубашки пацаненка али какая иная, уж ведьма и так ей и сяк — и никак. «Зло в доме, нельзя туда. И живых внутри нету, а неупокоенные есть». Вот и конец. Уж если даже ведьма — ни-ни-ни, то нам-то куда? Мертвые, когда они не мертвые, — это чародейская вотчина, нам бы что попроще. Топор али рогатина тут не помощники — это яснее ясного, а дураков в деревне нет. Эх... — Финна горестно вздохнула: — Плохо. Не по-людски это, когда без похорон.

— А зачем пацаны полезли к чародею? — спросил старик, ожидая услышать сказку о несметных богатствах.

— Известное дело — из глупости. Мол, смелые да удалые. Чтобы потом гоголем перед товарищами туда-сюда.

— А где мне найти этого Хромого? Поговорить с ним хочу. Старушка безнадежно махнула рукой:

— Покойник он. А покойники — они неразговорчивые...

— Отчего он умер? — быстро спросил искусник, заподозрив действие проклятия.

— После того случая он что ни день, то пьяный. Ну как пьяный... Не совсем, а чуть-чуть, но все-таки. А скотина разная, особенно кони, к этому делу — с осуждением. Только тут не конь, а бык племенной. Хромого-то жинка — баба боевая, на крики сразу с лопатой в стойло, да только куда там! Бык-то здоровенный, злющий. Рогом ее да к теленку в ясли. А если бы нет, так и всё — обоих в одну могилу.

— Хозяин! — нерешительно подергал старика за рукав Оболиус. — Мы ведь не пойдем туда?

Было утро следующего дня, дождь кончился еще ночью и как будто на этот раз успокоился насовсем: серые облака все еще затягивали небо, но само оно стало значительно выше, что вселяло надежду. Путники смотрели на чародейский дом у озера, вновь остановившись на своем любимом месте, откуда открывался замечательный вид на деревню, поля и далекие горы. Вернее, смотрел только Толлеус, причем довольно долго, а его ученик, терзаемый смутными страхами, приплясывал вокруг, вглядываясь в морщинистое лицо старика, ища в нем опровержения своих подозрений.

Наконец искусник очнулся от раздумий и, как бы рассуждая вслух, сказал:

— Если там жил чародей и никто его дом не ограбил, то внутри можно найти что-нибудь ценное. Может, деньги, может, артефакты. Сам знаешь, деньги у нас на исходе, я не собираюсь упускать такую хорошую возможность разжиться монетами!

— Так ведь нельзя туда, смерть там! Вы же слышали, что бабка Финна сказывала! — в отчаянии заломил руки помощник.

— Чего ты разорался, как перепуганная девка? — оборвал его причитания старик. — Головой соображай, головой! Больше года прошло! — И тут же добавил, видя непонимание в глазах ученика: — Все конструкторы сдохли давно без еды-то! Проклятие, конечно, может быть. Но зато у нас есть Искусство! Торопиться не будем: осмотримся, защиту поставим...

Оболиус притих, но тень сомнения не сошла с его лица.

— Эх ты! Скоро меня в мастерстве перегонишь, а рассуждаешь как деревенский свинопас, а не как искусник!

— А как же неупокоенные? Те, что из могил восстали? Вот и ведьма о них сказывала...

— Глупости! — снова оборвал искусник помощника, видя, как задрожали его губы. — Люди после смерти не оживают, чтобы сосать кровь или есть плоть. Бывает, конечно, ходят мертвецы, нападают на людей, даже кусают. В войну такое случалось. Только не сами по себе — это их чародеи поднимали, как големов. Отсюда и рассказы. Видят люди, как в ночь после битвы павший воин вдруг встает и, путаясь в собственных кишках, пытается загрызть вчерашних товарищей, вот и начинают выдумывать. И невдомек им, что рядом чародей затаился. Хотя, конечно, даже среди искусников слухи разные ходят.

— Какие? — вытянул шею любопытный ученик, на миг забыв о своих страхах.

— Будто бы особо хитрый конструктор может заменить чародея и управлять трупом. Или особенное проклятие может так повредить разум и тело человека, что он еще вроде бы и жив, но уже гниет и почти ничего не соображает. То есть ходить худо-бедно еще может, но разговаривать или делать какую-то работу — нет. Он никого не узнаёт, и желание у него остается самое примитивное — набить брюхо... Да ты не трясись! — хихикнул старик, глядя на своего помощника. — Говорю же — слухи. Я, пока в Оробос не попал, тоже во все это верил. Но теперь точно знаю: это слишком сложно. Может, и есть десяток чародеев на всю империю, которые смогли бы такое, только заниматься подобным они не станут, у них дел поважнее хватает. Здесь явно не тот случай, так что про мертвецов забудь.

— А призраки? — наконец выдавил из себя Оболиус. — Если там призрак, что тогда?

— Призраки, привидения, духи... — Старик пренебрежительно махнул рукой. — Бывают. Только знай, что все страшные истории о них — выдумки. Просто иногда после смерти человека можно увидеть как бы его образ или иллюзию, причем чаще в искусном зрении, нежели в обычном. Они безобидные и живым не досаждают. Ну, разве что клад-

бищенского сторожа напугают да после битвы бродят, людям голову морочат, да... — Старик замолчал, что-то вспоминая.

— Вы их видели? — вытаращил глаза Рыжик.

— Было дело, — отчего-то скривился старик. — Неприятный казус тогда получился... — Он снова замолчал.

— Расскажите!

— Нет.

— А дух чародея отличается от простого? Он тоже неопасен?

— Кто их разберет, этих чародеев, — пробормотал себе под нос Толлеус. — Всякое болтают, а что тут правда, что нет... — Тут старик словно встрепенулся и наставительно заявил Оболиусу: — Я книгам больше доверяю, а там написано, что бояться нечего. И вообще насчет призраков не беспокойся. Они растворяются, когда силы кончаются, а кушать, чтобы пополнить запас, не умеют. День-два, неделя максимум — и любое привидение исчезает навсегда.

— И конструкты тоже?

— Тут утверждать не берусь. Месяц или чуть больше — в это я готов поверить. Но сомневаюсь, что эти создания могут без питания продержаться целый год. Впрочем, конструктов-то я как раз не боюсь, защита от них у меня теперь двойная. — Толлеус самодовольно постучал по обручу-артефакту.

— Чего же тогда... боитесь? — На последнем слове ученик икнул и закашлялся.

— Чары там хитрые могут быть. А еще проклятий боюсь, — честно признался старик. — Они хитрые бывают, держатся долго, годами, и умирать от них мучительно... Вот и проверим амулет даймона в деле! За такую цену он должен уберечь меня буквально от любой напасти! — добавил он нарочито бодрым голосом и потер руки.

— А ежели там ловушка?

— Какая ловушка?

— Обыкновенная. Самострел с отравленным наконечником или пол провалится, а внизу колья! — выпучил глаза Рыжик, дав волю фантазии.

Искусник тоненько, по-старчески захихикал:

— В императорской сокровищнице — запросто, но у чародея в доме — ни за что не поверю! Иначе какой он чародей после этого?

Такими разговорами развлекались путники по дороге, попутно завернув к загону с мохнатками. Там Толлеус распорядился взять одно животное с собой, подмигнув Оболиусу, но не отвечая на его закономерный вопрос.

Добраться до замка было не так-то просто. Во-первых, ехать оказалось дальше, чем виделось с холма, во-вторых, по раскисшей после продолжительных дождей земле взобраться на горку удалось с большим трудом. Она хоть и ниже той, что высилась перед деревней, зато уходила вверх гораздо круче.

Все-таки это был не дом, а именно маленький замок с каменной стеной по периметру и монументальной цитаделью, увенчанной башенками. Хотя, конечно, для длительной обороны сооружение явно не предназначалось: стена низковата, без зубцов и бойниц. Последнего оплота — отдельно стоящей высокой башни во дворе, куда можно попасть только с помощью длинной лестницы, — нет и в помине. Так что от настоящих солдат здесь не спрятаться. Но против деревенского сброда и лесного зверья убежище вполне надежное.

Несмотря на то что целый год здание и территория не знали человеческой руки, следов запустения не наблюдалось. Разве что через приоткрытые ворота во дворе видны были чахлые пучки травы, пробивающиеся между булыжниками мостовой, да на отсыревших от долгого пребывания под дождем деревянных створках зеленел свежий мох. Над головой стремительными молниями сновали ласточки. Очевидно, где-то здесь у них были свиты гнезда, и сейчас птицы весело носились к озеру и обратно, вылавливая насекомых. Присмотревшись, старик заметил одно гнездо, прилепившееся аккуратно под красной крышей. Юркая хозяйка, зажав в клюве синюю стрекозу, как раз в этот момент влетела в свой домик.

— Смотри, — показал он Оболиусу, ткнув посохом в ту сторону. — Было бы проклятие, птиц здесь не водилось бы!

Бледный подросток проследил направление, но энтузиазмом не преисполнился.

— Я что-то чувствую! — поежился он.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ГЛУБИНКА	5
Часть вторая. ДОМ НА ГОРЕ	37
Часть третья. МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ	71
Часть четвертая. НЕДВИЖИМОСТЬ	108
Часть пятая. ПО ПОНЯТИЯМ	156
Часть шестая. ПЕРЕЕЗД	192
Часть седьмая. ХОЗЯИН ЗАМКА	219
Часть восьмая. ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	237